

Переводчик: Антония

"... " Мо Цяньсю ошеломлен.

"Первоначально я должен был умереть, когда падал с обрыва, но я не хотел умирать вот так, поэтому моя сила воли внутри моего тела была спровоцирована и вызвала тебя сюда."

Мо Цяньсюэ обернулся и уставился на Сюэ: "Лето? Меня вызвали сюда вы? Ты хочешь сказать, что меня вызвали твоей загадочной техникой из современного мира?"

Она выглядела немного взволнованной и смотрела на Сюэ, полную ожиданий.

"Да". "Тогда ты можешь меня вернуть?" Она все еще хотела снова увидеть своих родителей и младшего брата, чтобы сказать им, что она вышла замуж и вела здесь счастливую жизнь.

"Простите, я не могу". Сюэ покачала головой и увидела, как волнение в глазах Мо Цяньсюэ мгновенно сменилось разочарованием: "Простите!".

Что, простите? Этим словом можно было бы легко все заключить? В один момент она потягивала чай, а в следующий она была здесь. Потом она пережила серию событий, ее продали, преследовали и чуть не убили, весь день беспокоясь о здоровье мужа. Это была совсем не легкая жизнь.

Думая о Нин Шаоцине, она чувствовала себя более или менее тёплой. Даже если бы она могла вернуться в современный мир, она не захотела бы этого из-за Нин Шаоцина. Поэтому она перестала быть разочарованной, но ей все равно нужно было выпустить гнев: "Почему ты просто не умерла? Почему ты вызвал меня в этот мир? Зачем?"

Сью опустила голову: "Потому что... у меня не было другого способа выжить". Даже если бы я мог, я не хотел больше сталкиваться с этими грязными расчетами..."

Мо Цяньсю храпел, считая ее эгоисткой. Никто не хотел сталкиваться с такими вещами. Должен ли Мо Цяньсю смотреть им в глаза ради нее?

Сюэ не прекращала свой рассказ из-за презрения Мо Цяньсюэ и продолжала роптать в небе: "Но я не хотела, чтобы эти убийцы легко ушли". Почему они должны были уйти на свободу после убийства моих родителей? Я хочу, чтобы они получили своё наказание".

Ее голос становился все громче и громче и стал содержать в себе кровожадность, что-то, отличающееся от ее хрупкой внешности.

"Я родилась с особым талантом, так что у меня было плохое здоровье. Мои родители хотели использовать внутреннюю силу, чтобы сделать меня здоровее, но, к их удивлению, особый

талант просто не позволял мне культивировать внутреннюю силу. Когда мне было шесть лет, в моем организме появился первый след внутренней силы, но меня чуть не убил конфликт между особым талантом и внутренней силой. Наконец, мастер помог запечатать слабые внутренние силы в моем теле, так что я выжил до..."

Мо Цяньсюэ вообще не интересовалась внутренней силой, но была весьма заинтригована особым талантом, поэтому спросила: "Значит ли это, что когда я использую твоё тело, у меня тоже есть особый талант путешествовать между разными временами?"

"Нет. Мой особый талант лежит в моей душе, так что когда я рассеюсь, он тоже исчезнет, тогда твоё тело станет нормальным."

Сюэ ответила на сомнения Мо Цяньсюэ и продолжила: "Из-за следа отсутствия в глубине души, этот сон был создан в последний момент срабатывания силы воли..."

Говоря о пропавших, её застенчивое лицо немного покраснело: "Я просто хотел увидеть его в последний раз. Теперь, когда я его увидел, этот сон разбивается. По мере того, как он распадается, я тоже уйду, чтобы либо войти в реинкарнацию, либо рассеяться во вселенной. В любом случае, я больше не появлюсь".

Голос превратился из мягкого в печальный, сделав сердце Мо Цяньсюэ тоже мягким.

Мо Цяньсюэ, конечно, поняла, что она говорила о Фэн Ючэне. На самом деле Мо Цяньсюэ хотела сказать, что они двоюродные братья и не должны жениться друг на друге генетически, но, если подумать, в любом случае душа уходит, и тело становится её, то есть выходить ли замуж за двоюродную сестру, зависит от неё, так что она просто заткнулась.

Говоря о Фэн Юхэнь, Мо Цяньсюэ думал о нежелании, что душа упомянула, опасаясь, что то, что она может попросить её сделать, это месть, спрашивая: "Я не поеду в столицу из-за заговора". Я действительно ненавижу быть запертым в большом особняке и жить в расчетах". Еще в наше время, чтобы занять эту должность, она уже сделала слишком много расчетов. Теперь ей это очень надоело.

Перед лицом внезапного вопроса Мо Цяньсюэ Сюэ только хихикала от хитрости: "Ты будешь". Пока ты жив, эти люди не дадут тебе уйти. Пока ты хочешь жить, ты должен сопротивляться. Ты должна разобраться с убийцами".

Мо Цяньсюэ спросил: "Ты этого хочешь?"

Сью покачала головой: "Нет! Ты сделаешь это без моей просьбы".

Сюэ сказала это случайно, но Мо Цяньсюэ хотел поприветствовать свою мать. Тем не менее, при мысли о том, что она будет использовать его тело, его мать тоже будет ее матерью.

Однако она знала, что Сюэ права.

Даже если бы она не связывалась с этими людьми, однажды они бы пришли к ней. Не разобравшись с убийцами, она не смогла бы жить спокойно.

Мо Цяньсюй выглядела мрачно, но Сюэ не посмотрела на нее и только умоляла: "Пожалуйста, будьте добры к кузине". Он хороший человек; обо мне постоянно заботились".

Он заботился о тебе, а не обо мне. Почему я имею ко мне какое-то отношение? Из-за тебя, теперь у меня огромные неприятности. Мо Цяньсю стоял там, неподвижно.

"У меня только одна просьба. Никогда не говори ему, что я мертва. В будущем, что бы он ни делал, не стой напротив него. У тебя уже есть Нин Шаоцин и ты не можешь выйти замуж за кузена, так что обращайся с ним, как с родным братом, ладно?"

Мо Цяньсю так не думал: "Почему я должен говорить "да"?" Без ее согласия, он вызвал ее и бросил в нее столько неприятностей. Теперь он хотел, чтобы она относилась к одной из проблем, как к своему собственному брату? Почему?

"Ты будешь". Сюэ достала черную деревянную табличку: "Это военный подсчет моего отца, который способен мобилизовать отряд из 200 000 всадников. Это символ твоей личности и амулет твоей жизни".

Мо Цяньсюэ смотрел на деревянную табличку, колеблясь. Еще один брат и амулет жизни.

Этот мир появился на вершине своего расцвета, но вскоре он окажется на грани краха. Поскольку они приехали сюда, когда это было неизбежно, она и Нин Шаоцин наверняка однажды отправятся в столицу. К тому времени было бы трудно предсказать ситуацию в столице.

Кроме того, даже если бы у нее не было деревянной скрижали, все бы подумали, что она это сделала.

Она перестала колебаться и ответила: "Хорошо. Я обещаю. До тех пор, пока он не навредит мне и Нин Шаоцин, я не буду стоять напротив него и буду относиться к нему, как к собственному брату".

Вручая ей деревянную табличку и говоря ей, как ею пользоваться, Сюэ больше не разговаривала, но заглянула в пустоту в своем мягком выражении, как будто она видела Фэн Ючэнь: "Тогда я с облегчением".

После этого застенчивая тень помахала ей рукой, и Мо Цяньсюэ услышал звук разбивающегося сна...

*

Ездил долгое время, Фэн Ючэнь успокоился. Он остановил лошадь и посмотрел назад. Это было далеко от деревни Ван.

Когда его догнали два охранника, он сразу же отдал два приказа.

На склоне холма был персиковый лес с многочисленными бутонами, которые должны были расцвести. С ветерком в воздухе парил слабый аромат цветов.

Фэн Ючэнь указал на охранника слева от него: "Фэн Луань, поспеши и прокрадись обратно в деревню Ван. Обратите внимание на действия дамы и докладывайте мне в любое время".

"Да". Фэн Луан забрал приказ и сразу же уехал.

Затем Фэн Ючэнь посмотрел на другого охранника: "Фэн Бо, поторопись и доложи о положении дамы старому господину и старой госпоже". Если будет утечка новостей, приезжайте на встречу со своим заголовком, держащимся в руке".

"Да". Фэн Бо с уважением отнесся к ордену и вспомнил, что господина только что вырвало кровью, поэтому он добавил: "Господи! Хочешь, чтобы я послал тебе Фэн Юн Восемнадцать гвардейцев и остальных шестнадцать?"

"Нет. Они уже в пути". Чувствуя запах цветочного аромата, Фэн Ючэнь подсознательно заставил лошадь повернуться.

"Да. Я пойду. Береги себя, повелитель." Видя, что у этого господина не было особого желания говорить, Фэн Бо попрощался, подстегнул лошадь и убежал.

Грохот лошадиных копыт исчез. Фэн Ючэнь не оглядывался назад, а смотрел на персиковый лес на спуске.

Его глаза встретили персиковые деревья, гордо смеющиеся на ветру.

То, что он видел, это две фигуры, курсирующие в лесу, и то, что он помнил, это дни, когда они играли и счастливо смеялись вместе.

Его тело двигалось вместе с его сердцем. Во время погружения он прыгнул в персиковый лес.

Кукушки, окутанные ветвями, испугались и улетели, продолжая щебетать, "кукушка, кукушка".

Давным-давно они стояли рядом. Теперь только его единственная фигура, слышащая кукушку (по-китайски звучит так, как будто не плачь), разбила ему сердце и неоправданно вытекли слезы из глаз.

Его возлюбленная была вон там, но она не могла остаться рядом с ним...

Он боялся, что она назвала его двоюродным братом - это просто слуховая галлюцинация. Вчера она выглядела с ним как совершенно незнакомец. Он не мог забыть решительное сопротивление и незнание в ее глазах...

Он ненавидел... Но кого он должен ненавидеть? Небеса? Того человека? Или себя? Или того, кто создал этот инцидент? ...Он поднял свою ладонь и ударил по стволу дерева, чьи крошечные шипы мгновенно вонзились в его ладонь. Казалось, что только физическая боль может слегка развеять ужас и страх в глубине его сердца.

Но для прекрасной памяти и сладости, наполняющей всю его жизнь, он не был бы так разбитым сердцем, как сейчас.

Человек не будет проливать слез, пока нет другого курорта. Если бы жизнь не была такой горькой, он мог бы плакать.

Однако, пока у человека есть чувства, любое чувство может превратиться в горечь. И самым горьким из всех видов горечи была потеря любимого человека и сожаление, которое невозможно было компенсировать.

*

В звуке разбитого сна и видение всего, прежде чем она рассеивается, как лягушка и душа, которая имела бесчисленные связи с собой растворяется в ветре, Мо Цяньсюэ не мог не почувствовать себя грустным и не закрывал ее до тех пор, пока долгое время.

Когда она снова открыла глаза, первое, что она увидела, было нежное лицо Нин Шаоцина и смотрела красноватыми глазами.

Сердце Мо Цяньсюэ сжалось. Она вспомнила, что видела в воздухе. Должно быть, слова Сюэ причинили ему боль. Однако, она не смогла объяснить, и у неё не было причины.

Чем больше она объясняла, тем больше неприятностей у него было!

Наблюдая за Нин Шаоцином, Мо Цяньсюэ мягко сказал: "Шаоцин, мы никогда не расстанемся на всю жизнь". Понятно?" Она никогда не произносила подобных слов, даже когда ее больше всего трогали.

Нин Шаоцин была шокирована. Секунду назад он беспокоился, что после того, как она проснется, она может снова оттолкнуть его и попытаться найти свою глупую так называемую двоюродную сестру.

Первоначально он планировал спросить ее, не забыла ли она его, и спросить, какие у нее отношения с двоюродным братом. Тем не менее, ее слова действовали как наркотик, который мгновенно успокаивал его сердце и блокировал все, что он хотел сказать во рту.

Этих слов было достаточно. Зачем задавать такие вопросы? В ее глазах он видел только себя. Этого было уже достаточно!

Когда он понял, что происходит, Нин Шаоцин только почувствовал, как его сердце катится вверх и вниз с катящимися эмоциями. Вся боль, пронизывающая кости, растворилась в её словах. С облегчением вздохнув, он взял Мо Цяньсюэ в руки и крепко прижал к груди, как будто хотел расплавить ее в свои кости и кровь и больше никогда не расставаться.

Рядом с ее щекой зазвучал умопомрачительный виолончельный голос: "Да. Мы никогда больше не расстанемся на всю жизнь".

Мо Цяньсю чувствовала свою горечь невыносимой. Хотя она и не планировала объяснять, но ее слова вырвались из ее рта быстрее: "Этого больше не повторится".

Эти слова, казалось, всплыли из ниоткуда, но Нин Шаоцин обнял ее еще крепче.

Двое продолжали обниматься и молчать, когда Кайся вошла с тазом с водой и увидела это у двери, не имея представления, входить или выходить.

Услышав звук, пара быстро разошлась. Нин Шаоцин слегка кашлянул и указал на подставку для умывальника: "Положите воду туда".

Кайся ответила "да", поставила таз на стойку, ушла и почти закрыла дверь, когда вдруг вспомнила, о чем ей нужно было доложить.

Затем она повернулась назад: "Госпожа, две девушки, которые утверждали, что они ваши слуги, все еще стояли на коленях у ворот. Должна ли я их прогнать сторожем Асаном и Аву?"

Услышав, как Кайся упоминала о двух девушках, Нин Шаокин надел холодное лицо. Конечно, Мо Цяньсюэ должна была прогнать их, но в настоящее время она слишком хрупка, чтобы познакомиться с этими девушками. Поэтому он приказал: "Пусть встанут на колени".

"Да". Кайся закрыла дверь, ее лицо покраснело и сердце билось быстрее, и ушло, как будто сбежало.

После того, как Кайся ушла, Нин Шаоцин подошел к умывальнику, промочил носовой платок в воде, скрутил его и затем вытер лицо для Мо Цяньсюэ.

Упоминание Кайся о Чуйи и Шиву напомнило Мо Цяньсюэ об убийцах за сценой, о которых ей рассказала Сюэ, поэтому она спросила: "Шаоцин, кто будет самым большим бенефициаром, если я умру?". Тот, кто станет крупнейшим бенефициаром, скорее всего, окажется за кулисами.

Рука Нин Шаоцин, вытирающая лицо, остановилась на секунду: "Конечно, это же семья Мо". До тех пор, пока ты умрешь, не выйдя замуж, твой титул все еще будет принадлежать семье Мо".

Опусти носовой платок, Нин Шаокин ласкала ее лицо: "Больше не произноси этого слова". Пока я дышу, я не позволю тебе причинить боль".

Мо Цяньсю чувствовал себя тепло, но продолжал спрашивать: "Если мои родители уехали, то кто будет самым большим бенефициаром?". Сюэ имела в виду, что ее родители умерли по другой скрытой причине. Действительно, ее мать покончила с собой, чтобы последовать за отцом, но ее отец, должно быть, умер по другой, более сложной причине, кроме того, что он пожертвовал своей жизнью на войне.

Она не была знакома с политическим устройством династии Тяньци, поэтому, чтобы выкопать потенциальных врагов, она должна была прибегнуть к помощи человека, который был в этом экспертом.

Этот вопрос не был простым. Нин Шаоцин, повернув лицо, некоторое время размышляла и ответила: "Император, семья Су и народ Кан на западе...".

"Император?" Мо Цяньсю был немного удивлен таким ответом.

Семья Су хвасталась военной мощью, поэтому ее можно было считать политическим врагом. Нация Кан была врагами, против которых ее отец сражался, чтобы защитить страну. Этих двоих было легко понять. Но Император? Смерть ее отца означала для него потерю могущественного генерала.

"Отец хвастался военной мощью. Если бы он умер, без генерала, войска и военная мощь были бы естественным образом возвращены Императору..." Нин Шаоцин ответил, косоглазый. Конечно, он знал, что значит вопрос Мо Цяньсюэ.

Его ответ имел смысл. Некоторое время Мо Цяньсю был безмолвным. Небеса! Хотела ли Сюэ, чтобы она сражалась одновременно с императором, семьей Су и народом Кан на западе?

Борьба против императора означала борьбу против всей королевской семьи! Борьба против

семьи Су означала борьбу против части военной мощи страны! Борьба с народом Кан означала создание врагов против целой страны...

Мо Цяньсю отрубили. Любой из них смог убить ее, как муравья, убив ее пальцем.

Но! Сюэ сказала ей, что черная деревянная скрижаль может отправить отряд Мо в двадцатьсот тысяч всадников. Она не могла солгать ей. Должны быть неизвестные факты.

Мо Цяньсюэ дотронулась до скрижали в кармане. К счастью, это действительно вышло из сна с ней.

Видя, как Мо Цяньсю потерялась в оцепенении, Нин Шаоцин похлопал ее по плечу с беспокойством: "Я проведу дальнейшее расследование причин смерти отца". Не думай слишком много".

Если бы это было то, чего она хотела, он бы помог ей не жалеть усилий. Если они не могли вести обычную жизнь друг с другом, то почему бы не перевернуть этот мир и не жить драматично?

Чувствуя, что такое низкое давление воздуха, Мо Цяньсюэ вернулся в реальность, ее маленькая рука, касаясь большой на плече, глядя на него серьезно: "Не надо! Я просто спросил случайно. Отец погиб на войне. Это не может быть неправильно."

Если Нин Шаоцин действительно заглянул в тайны смерти отца, он, должно быть, ввязывается в дрожь. Она не хотела подвергать его риску.

Ну и ладно. Она только хотела остаться в живых и жить с ним в мире. Если бы кто-нибудь пришел к ней, она бы просто сопротивлялась. Не усложняй всё!

Нин Шаоцин вздохнул и не сказал больше. Он боялся, что даже если бы они хотели мира, другие не хотели бы того же для них.

Мо Цяньсюэ яростно покачала головой, как будто пытаясь стряхнуть с себя все эти неприятности, заставила Нин Шаоцина улыбнуться, а затем приказала Кайся: "Кайся, приведи сюда Чуйи и Шиву".

Были вещи, с которыми она должна была столкнуться лицом к лицу. Кроме того, история, которую они рассказывали в прошлый раз, еще не закончилась.